

Запустив симулятор заново, Линь Чжао не стал тратить время на раздумья. Он тут же вскочил на ноги и во весь опор помчался к хижине старого шамана.

Спустя несколько минут.

— Значит, говоришь, тебе приснилось, будто через семь дней, во время шаманского ритуала, солнце померкнет? — старик пристально взгляделся в лицо юноши. — И в небе над селением появится жуткая исполинская личина, которая начнет пожирать души наших людей, а из моего тела вылетит Золотой ворон, чтобы сразиться с ней? И в довершение всего тебя самого сожжет заживо?

Линь Чжао закивал с такой частотой, что едва голову не оторвал:

— Именно так, дедушка шаман! Вы не знаете, что это за тварь?

"Я же только-только переродился в этом мире! За что мне такое адское начало?" — мысленно взмолился он.

Старый шаман молчал, медленно отсчитывая вдохи, а затем негромко произнес:

— Мой тотем — вовсе не Золотой ворон. Золотой ворон Великого Солнца — божественный зверь, подвластный лишь богам-хранителям часа. Я всего лишь простой дикий шаман из глухого селения, у меня даже нет права вырезать свое имя на тотемных столпах Шаманского царства и взывать к духам великих предков. Твой сон — лишь плод тревоги перед предстоящим обрядом.

Линь Чжао застыл в замешательстве.

"Что ж, старик мне не верит. Ожидаемо".

Однако он всё равно с прищуром посмотрел на собеседника. В симуляторе-то старик совершенно точно орудовал тотемом Золотого ворона!

Решив зайти с другой стороны, Линь Чжао осторожно спросил:

— Дедушка шаман, а нельзя ли мне как-нибудь заранее опробовать шаманскую силу?

В конце концов, сейчас он находился внутри симуляции. Раз старик упрямится, нужно раздобыть неопровержимые доказательства. Для этого требовалось во что бы то ни стало дожить до появления исполинской личины, а значит — держаться от грядущего побоища как можно дальше.

Но в этих диких, проклятых землях одиночке без способностей не выжить. Обычного человека, не ставшего шаманом или хотя бы тотемным воином, даже за ограду деревни никто не выпустит.

— Во время празднества духи предков, заключенные в тотеме, умирят дикий нрав звериных душ, — ровным голосом пояснил старик. — Тогда совладать с ними куда проще. А сейчас, без защиты обряда, как ты собираешься подчинить себе душу зверя?

— А мы не можем провести ритуал пораньше? — не растерялся Линь Чжао.

Старый шаман не на шутку рассердился:

— День почитания предков определен самим Хранителем часа! Как смеешь ты говорить о его переносе?! Вон отсюда!

— Дедушка, ну пожалуйста, помогите! — Линь Чжао и не думал уходить. В симуляции собственная гордость волновала его меньше всего. Недолго думая, он рухнул на колени и мертвой хваткой вцепился в ногу старика. — Умоляю! Помогите мне!

Опешивший от подобной наглости старик залился краской до самых ушей:

— Немедленно отпусти!

— Не отпущу! — взмолился Линь Чжао. — Я правда хочу стать шаманом! Мне так страшно, что сердце из груди выпрыгивает. Если не попробую сейчас, через неделю от страха вообще с ума сойду и не справлюсь с духом. Вы же сами говорили: победа над зверем зависит от твердости духа. А у меня от ожидания вся воля испарится...

"Чего я точно не хочу, так это снова сгореть заживо! Слишком уж это чертовски больно".

Лицо шамана потемнело от злости, однако в словах мальчишки сквозило рациональное зерно. В конце концов, даже если тот сейчас потерпит неудачу, всегда можно будет попытаться снова. Стать шаманом невероятно трудно, с первой попытки это удастся едва ли одному из сотни. Пусть упрямец на своей шкуре почувствует, каково это.

— Хорошо, — холодно процедил старик, нахмурившись. — Какую звериную душу ты выберешь?

— Бо! — без колебаний выпалил Линь Чжао. — Хочу дух зверя Бо!

Демонический дух, похожий на белоснежного скакуна, явно отличался огромной скоростью и недюжинной силой. Чтобы продержаться в этой симуляции подольше и заработать приличную оценку, Линь Чжао жизненно необходим был именно этот козырь.

Старик окинул его равнодушным взглядом:

— Будь по-твоему.

Обрадованный Линь Чжао тут же отпустил ногу учителя, послушно уселся рядом на пятки и поспешно стянул с себя грубую холщовую рубаху, обнажая крепкое юношеское тело.

Старик слегка стукнул шаманским посохом о землю. Стоявшая в углу склянка разбилась, и содержащаяся в ней жидкость взмыла в воздух плотным туманом. Мгновение — и из этой водяной взвеси соткался призрачный силуэт белого коня, чье тело казалось собранным из тысяч тончайших игл. Раздался глухой, отдающийся в самой глубине души стук копыт, и призрачный зверь Бо ринулся прямо на юношу, метя в самую грудь.

В то же мгновение грудь обожгло, словно к ней приложили раскаленное клеймо, а затем пронзило резкой, невыносимой болью, будто туда вогнали широкий нож. Линь Чжао судорожно стиснул зубы, сию секунду не закричать, но это было лишь началом испытания. В голове взорвалось яростное, оглушительное ржание. Сознание помутилось: юноше показалось, что он лежит на земле, а над ним высится исполинский белый конь вышиной с трехэтажный дом. Чудовище занесло тяжелые копыта, готовясь растоптать его, а пасть, полная острых акульих зубов, раскрылась прямо над его головой.

Окажись на его месте обычный человек, подобный ужас мгновенно лишил бы его воли. Однако Линь Чжао, переживший уже четыре смерти — включая недавнее кошмарное сожжение заживо, — в этот критический момент не поддался панике. Напротив, смертельная опасность пробудила в нем первобытную ярость.

"Я не могу потратить эту попытку впустую! Даже если сдохну, я вырву победу и найду слабое место этой твари!"

Вместо того чтобы уворачиваться, он сам бросился прямо в разинутую пасть чудовища. Почти целиком оказавшись внутри, Линь Чжао мертвой хваткой вцепился в раздвоенный язык зверя и с диким воплем рванул его на себя.

Острые клыки с хрустом сомкнулись, перекусив его тело пополам.

Но Линь Чжао было плевать. Какая разница? В симуляции смерть не окончательна, в крайнем случае он просто начнет сначала. Не обращая внимания на боль, он рвал скользкий язык, пока тот не разошелся на две окровавленные половины.

Завыв от невыносимой боли, зверь Бо судорожно раскрыл пасть и выплюнул безумца.

Линь Чжао, даже не думая отступать, использовал инерцию падения. Все еще сжимая в кулаке остатки языка, он рванул вверх, подтянулся к огромному, налившемуся кровью глазу

чудовища и по локоть вогнал руку в глазницу.

В следующий миг мир покачнулся и завертелся. Когда зрение вернулось к нему, он обнаружил себя не в холодном небытии, а в хижине шамана. На деревянных стенах все так же висели сушеные черепа и рога, а сам старик смотрел на него с нескрываемым изумлением.

Линь Чжао растерянно ощупал себя — ребра были целы, кожа хранила привычное тепло, и никаких следов от страшных зубов не осталось.

"Неужели всё это было лишь видением?"

— Подчинение звериной души — это битва воли, — глухо произнес старик, пристально глядя на юношу. — Если окажешься свирепее зверя, он признает твою власть. Но если позволишь ему подавить себя, он поглотит твой разум.

Линь Чжао потер бок, где все еще разливалось фантомное ощущение боли, и самодовольно усмехнулся:

— Вот оно как. Оказывается, не так уж и сложно.

"Если дело только в том, кто из нас безумнее, то мне как игроку вообще нечего бояться".

Старик недовольно хмыкнул:

— Достаточно. Поднимайся.

Встав на ноги, Линь Чжао опустил взгляд на грудь. Прямо над сердцем теперь красовался детальный, словно живой, рисунок белого скакуна. Стоило юноше с любопытством коснуться его пальцем, как он тут же отдернул руку с шипением:

— Ой, блин!..

Голова нарисованного коня внезапно обрела объем, крошечная пасть размером с фалангу пальца приоткрылась, и зверь чувствительно цапнул его за указательный палец, слизывая выступившую каплю крови.

— Тотем пьет твою кровь и связывается с твоей душой, — покачал головой старик. — Теперь ты можешь призывать его. Но как именно управлять силой — каждый понимает сам, здесь нет единого пути. Ступай.

— Спасибо, дедушка! — искренне поблагодарил Линь Чжао и покинул хижину.

По дороге домой он ничуть не злился на кусачую кроху. Напротив, отвесив наглому коньку легкий щелчок по носу, он освободил палец, а затем принялся дразнить его снова и снова: протягивал руку и дёргал назад в самый последний момент.

После нескольких неудачных попыток поймать обидчика зверь Бо окончательно обиделся и свернулся на коже плотным клубком.

Линь Чжао ткнул рисунок пальцем:

— Ну чего ты затих? Вылезай, поиграем!

Терпение коня лопнуло. С тихим ржанием он сорвался с груди юноши и в мгновение ока соткался рядом в могучего скакуна высотой под два метра. Разъяренный зверь тут же вскинул передние копыта, намереваясь вколотить наглеца в землю.

Однако Линь Чжао легко уклонился. Он уже сообразил, что призванная сущность подчиняется его воле так же естественно, как собственное тело.

Изловчившись, он попытался запрыгнуть коню на спину.

Бо сопротивлялся изо всех сил: он рухнул в пыль и покатился по земле, пытаясь раздавить седока. Однако его призрачное тело прошло сквозь Линь Чжао, не причинив тому никакого вреда.

Заинтригованный этим открытием, Линь Чжао принялся экспериментировать. Вскоре он понял, что может по своему желанию менять плотность духа. Однако воплощение зверя требовало колоссального умственного напряжения — мозг уставал так, словно он всю ночь напролет зубрил сложнейшие тексты.

"Так вот она какая, магия шаманов... Удивительно".

Он провозился до самого рассвета, пока наконец не приноровился держать равновесие и полностью подчинять коня своей воле. К тому моменту, как солнце взошло над деревней, Линь Чжао уже гордо восседал на спине Бо.

Вокруг него мгновенно собралась толпа деревенских мальчишек. Сверстники смотрели на него с бешеной завистью, тянули руки, пытаясь погладить серебристую шерсть, а самые наглые даже просили разрешения прокатиться.

Линь Чжао отказал без малейших колебаний.

Связь с тотемом была настолько глубокой, что он отчетливо ощущал каждое прикосновение к

коню. Позволить кому-то усестся в седло означало бы пустить чужака к себе на шею в самом прямом смысле.

Причина была веской, но подростков это не успокоило.

— То есть ты, получается, катаешься на самом себе? — недовольно буркнул долговязый парень по имени Ши.

— Именно, — ухмыльнулся Линь Чжао. — Зато у меня есть на ком ездить. Завидно?

Разумеется, им было завидно. Орава мальчишек тут же сорвалась с места и гурьбой помчалась к великому шаману, требуя немедленно приобщить их к шаманским таинствам.

Однако старик благоразумно не стал потакать капризам детворы и просто велел родителям забрать бунтарей. Взрослые, прекрасно понимавшие, насколько опасен этот путь, без лишних слов растащили сыновей по домам и задали им хорошую трепку.

Для Линь Чжао призванный дух стал лучшей игрушкой. Он без устали носился туда-сюда по единственной деревенской улочке длиной от силы в сотню метров. Ощущение скорости дарило ему невероятный восторг — казалось, он летит на летающем мече, рассекая облака. Старейшины деревни провожали его теплыми, полными ностальгии взглядами.

Позже он отправился к местным охотникам и воинам, чтобы узнать, как правильно применять обретенную силу в бою.

В свободное от дозоров и охоты время эти суровые мужики оказались на удивление дружелюбными. Они охотно делились с юношей премудростями шаманского дела.

Каждая звериная душа даровала хозяину особые способности. Тотем Бо наделял Линь Чжао невероятной скоростью, сокрушительной силой натиска и мощными ударами копыт, однако не давал надежной защиты. Из-за этого ему следовало придерживаться тактики быстрых и маневренных атак. Духа можно было как призвать на поле боя в качестве союзника, так и превратить в неосязаемый доспех или защитный барьер.

Во время тренировочных боев Линь Чжао с удивлением обнаружил, что движения соперников кажутся ему медленными — он без труда предугадывал траектории их ударов. Под воздействием силы Бо его собственные рефлексy и ловкость взлетели до небес. Вот только совладать с этой лавиной энергии поначалу не удавалось. Пытаясь уклониться от выпада, он то и дело с размаху врезался в стены, а прыгнув, взлетал на высоту двухэтажного дома, совершенно не понимая, где приземлится. За одно утро он успел проломить крыши сразу нескольких хижин.

К счастью, соплеменники не держали на него зла. Они лишь добродушно посмеивались,

уверяя, что это добрый знак, и надеясь, что их собственные дети на грядущем празднике проявят себя не хуже А-Чжао.

Линь Чжао было жутко неловко. Он не мог не проникнуться симпатией к этим простодушным людям.

"Вот она, первобытная община во всей красе, — думал он с теплотой. — Все стоят друг за друга горой".

Через три дня, когда движения наконец обрели былую точность, Линь Чжао обратился к предводителю охотников с просьбой взять его с собой за пределы деревни.

Как раз в это время воины собирались проверить дальние просяные поля у реки. Серьезной опасности там не предвиделось, и командир отряда милостиво разрешил юноше присоединиться к дозору.

Время тянулось невыносимо медленно, но долгожданный день наконец настал. Линь Чжао в составе отряда пересек невидимую границу, очерчивающую предел действия защитного тотема деревни.

Едва его нога коснулась внешней земли, как по спине пробежал ледяной озноб. Все тело мгновенно напряглось. Сама атмосфера этого первобытного мира дышала глухой, концентрированной злобой, от которой перехватывало дыхание.

Почувствовав опасность, дух Бо без команды вырвался из узора на груди и замер рядом, угрожающе поводя ушами.

Спутники удивленно переглянулись, глядя на его внезапную боевую стойку.

В этот же миг Бо резко вскинул копыто и с влажным хрустом раздавил выпрыгнувшую из травы тварь, похожую на гигантскую многоножку. Призрачный конь тут же подхватил добычу зубами и принялся с аппетитом хрустеть панцирем.

Линь Чжао выдавил из себя неловкую улыбку:

— Извините, я ведь впервые за забором... Показалось. Вы ничего странного не чувствуете?

Воины лишь беззаботно покачали головами.

Постаравшись подавить нарастающую тревогу, Линь Чжао последовал за дозором.

Река протекала на приличном расстоянии от деревни. Воины рассказывали, что в ее водах обитает неисчислимое множество свирепых тварей, поэтому селиться у самой воды было чистым самоубийством.

Они шли по заросшей тропе, как вдруг Линь Чжао поднял взгляд — и кровь застыла в его жилах.

Над противоположным берегом реки, застилая собой половину небосвода, парила исполинская, безжизненно-серая человеческая кожа. Она напоминала сорванную личину с искаженного криком лица с картины «Крик» Мунка. Тварь лениво покачивалась на ветру, словно гигантская летучая мышь.

Это была та самая жуткая рожа, которую он видел перед смертью. Один в один.

<http://bllate.org/book/20648/2106380>